

Т. И. Ойзерман

КАНТОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

Основоположения философии Канта, согласно которому чувственные восприятия пространства и времени, поскольку они являются восприятиями беспредельного, всеобщего, носят не эмпирический, а априорный характер, так как только априорному имманентны всеобщность и необходимость. Физические пространство и время Кант интерпретирует как эмпирические, т.е. отнюдь не беспредельные, а всегда ограниченные, локализованные. Обращение Земли вокруг собственной оси совершается в гораздо меньшее время, чем ее обращение вокруг солнца. Жидкое состояние материи предшествует во времени всем другим ее состояниям. Это примеры самого Канта, который также нередко ссылается на различные возрастные периоды жизни человека. В лекциях по географии Кант постоянно оперировал понятиями эмпирического пространства, эмпирического времени. Игнорирование или недооценка кантовских положений об эмпирической реальности пространства и времени и, стало быть, их независимости от познающего субъекта — грубое искажение не только трансцендентальной эстетики, но и всей философии Канта в целом.

Die Grundsätze der Philosophie Kants, nach denen die sinnlichen Wahrnehmungen von Raum und Zeit, insofern sie die Wahrnehmungen des Grenzenlosen, des Allgemeinen sind, sind nicht empirischen, sondern apriorischen Charakters. Denn nur dem Apriorischen sind die Allgemeinheit und die Notwendigkeit immanent. Raum und Zeit als physische Erscheinungen interpretiert Kant als empirische, d. h. durchaus nicht grenzenlose, sondern als begrenzte und lokalisierte Phänomene. Die Drehung der Erde um ihre Achse erfolgt in einer viel kürzeren Zeit, als ihre Drehung um die Sonne. Der diffuse Zustand der Materie geht allen anderen ihren Zuständen voraus. Es sind die Beispiele von Kant selbst, der auch nicht selten auf verschiedene Altersperioden des menschlichen Lebens verweist. In seinen Vorlesungen zur Landeskunde hat Kant ständig mit Begriffen des empirischen Raums und empirischer Zeit operiert. Die Nichtbeachtung oder Unterschätzung dieser Kantischen Sätze über die empirische Wirklichkeit von Raum und Zeit und also ihre Unabhängigkeit vom erkennenden Subjekt führt zu einer groben Entstellung nicht nur der transzendenten Ästhetik, sondern auch der ganzen Philosophie Kants überhaupt.

Ключевые слова: «критическая философия», пространство, время, априорное чувственное созерцание, эмпирическая реальность, материя, явление, трансцендентальная идеальность времен, основоположения рассудка.

Отправным пунктом «критической философии» является положение о субъективном, априорном характере пространства и времени. Таково основное положение диссертации Канта, защищенной им в 1770 г. В этой работе «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира» Кант утверждает, что «время есть абсолютно первый *формальный принцип чувственно воспринимаемого мира*» [3, с. 402]. Он разъясняет, что время есть условие возможности чувственных восприятий и, следовательно, первичное по отношению к чувственно воспринимаемым предметам. Хотя Кант еще не называет время *априорным* чувственным созерцанием, но такое понимание времени фактически уже наличествует в диссертации.

Понятие пространства формулируется в диссертации с еще большей определенностью, так как его отношение к предметам внешнего мира непосредственно зримо. И Кант утверждает, что «возможность внешних восприятий как таковых предполагает понятие пространства, а не *создает* его». Тут же разъясняется, что «*понятие пространства есть чистое созерцание*, так как это понятие единичное, не составленное из ощущений; пространство — основная форма всякого внешнего ощущения» [3, с. 403]. Поскольку *чистое созерцание* противопоставляется *ощущениям*, т.е. эмпирическим данным, постольку не приходится сомневаться, что речь идет об *априорном* чувственном созерцании.

Далее поясняется, что пространство не есть нечто объективное и реальное, оно субъективно и идеально, ибо происходит из природы нашего ума. То же относится и ко времени, хотя оно и не упоминается в данном контексте.

Настойчивое подчеркивание *субъективности* пространства и времени сочетается в диссертации с вполне определенным признанием их *объективности, реальности*. Это представляется, во всяком случае, на первый взгляд, противоречием, внутренней рассогласованностью воззрений Канта. В действительности же речь идет об *эмпирической* реальности пространства и времени, т.е. реальных условиях, в которых протекает человеческая жизнь, в которой прожитые людьми годы (и соответственно, детство, юность, жизнь взрослого человека, старость) представляют собой не чистые созерцания, а вполне эмпирически фиксируемый факт. Поэтому Кант пишет: «Хотя *понятие пространства* как некоторого объективного и реального сущего или свойства есть продукт воображения, тем не менее *по отношению ко всему чувственно воспринимаемому* оно не только *в высшей степени истинно*, но и есть основание всякой истины в области внешних чувств» [3, с. 406]. Следует, правда, учитывать, что объективное у Канта имеет два существенно отличных друг от друга значения. Аподиктически всеобщее (а таковы, по Канту, и пространство, и время) объективно в том смысле, что оно общезначимо. Это, так сказать, гносеологическая объективность, родственная общепринятости. Второе значение объективности — существование безотносительно к человеческому сознанию. И там, где Кант говорит об *эмпирической*, лишенной аподиктической всеобщности, пространстве и времени, имеется в виду именно этого рода объективность, которую обосновывают как материалисты, так и идеалисты (в том числе и объективные идеалисты).

Известно, что география, которую Кант преподавал в университете наряду с основными философскими дисциплинами, была основным источником многообразных знаний философа о жизни людей в разных странах. И географические познания Канта убедительно свидетельствовали как об эмпири-

ческой реальности времени, на разных этапах которого происходили великие географические открытия, о которых рассказывал философ¹.

Здесь, однако, не может не возникнуть вопрос: могут ли как-то быть согласованы эти противоположные друг другу утверждения. На мой взгляд, они не просто согласуются, но и дополняют друг друга, если признать, что каждое из них *односторонне* выражает действительное положение вещей. Это значит, что если мы трактуем пространство и время как *категории*, т.е. понятия, имеющие основополагающее значение, мы не можем не признать, что в ходе развития познания эти понятия существенно обогащались, изменялись, и современное естествознание (в частности теория относительности и квантовая физика) далеко ушли от ньютоновского представления о пространстве и времени, с которым полностью соглашался Кант, интерпретируя его, правда, по-своему.

Таким образом, пространство и время как категории действительно представляют собой субъективные формы чувственного восприятия предметной реальности, хотя Кант не считал, что эти понятия изменяются, развиваются в процессе познания. Он, напротив, считал их неизменными. Но это не мешало ему увидеть субъективную их сторону, присущую категориям познания. А то обстоятельство, что он определял пространство и время как чистые априорные созерцания, делало принципиально необходимым отличать их от *эмпирического* восприятия пространства и времени. Последние, как постоянно подчеркивал философ, не обладают *аподиктической всеобщностью*, а значит, и *бесконечностью* (беспредельностью), с которыми связано понятие априорности. Эмпирические восприятия пространства и времени в большей или меньшей мере неизбежно *локализованы*.

Здесь возникает новый вопрос: есть ли *гносеологическая необходимость* интерпретировать пространство и время как априорные, т.е. аподиктически всеобщие, бесконечные, а поэтому и не укладывающиеся в рамки всегда ограниченного опыта, т.е. *доопытные*, согласно учению Канта?

Кант, как уже указывалось, соглашаясь с Ньютоном, истолковывает его представления о пространстве и времени с позиций трансцендентального

¹ Однако не только география, не только естествознание убеждали Канта в объективной реальности пространства и времени. Об этом же свидетельствовал обыденный опыт, здравомыслие, которые Кант несколько не игнорировал. Так, например, Кант пишет: «...многолетний опыт научил меня тому, что проникновение в изучаемую нами материю не может быть насильственным...» [9, с. 524]. В другом письме он замечает: «...жизнь коротка, особенно в той ее части, которая остается после прожитых 70 лет» [9, с. 593]. И еще одно немаловажное замечание: «...старость больше всего мешает разработке отвлеченных идей» [9, с. 593]. И еще одно высказывание, относящееся к 1783 г.: «Я уже слишком стар...» [9, с. 551]. Не приходится сомневаться в том, что Кант здесь говорит об объективном времени, абсолютно независимом от человека и человечества. Сошлюсь на высказывания естественнонаучного характера в письмах Канта: «...невозможность *perpetum mobile*, как доказала механика» [9, с. 372], «...я вижу млечный путь как беловатую полосу, световые лучи каждой из находящихся в нем звезд необходимо должны доходить до моих глаз. Но представление о нем лишь ясно, отчетливым же оно становится лишь благодаря телескопу, потому что теперь я вижу отдельные звезды, находящиеся в этом млечном пути» [9, с. 342—343]. А вот другое рассуждение: «...если бы земля была плоской, то полярная звезда должна была бы находиться одинаково высоко, но так не бывает, следовательно, земля не плоская» [9, с. 359]. Все эти высказывания свидетельствуют о том, что пространству и времени, по Канту, присуща эмпирическая, объективная реальность.

идеализма. Ньютон разграничивал физическое и математическое пространство и время. Кант истолковывает физическую реальность пространства и времени как ограниченную, эмпирическую реальность, которая дана нам вместе с чувственными восприятиями, вполне признавая их онтологическую объективность. Иное дело математическая реальность пространства и времени; она отличается аподиктической всеобщностью и, следовательно, бесконечностью, которая недоступна чувственным восприятиям. Именно такое понимание пространства и времени лежит, согласно Канту, в основе геометрии и математики в целом. Это значит, что пространство и время субъективны, априорны лишь постольку (и потому), поскольку они аподиктически всеобщны. Если же их не считать таковыми, т. е. рассматривать их как чувственно воспринимаемые, то они как эмпирическая реальность существуют безотносительно к сознанию людей. С этой точкой зрения можно, пожалуй, согласиться, не соглашаясь с кантовским толкованием чувственно воспринимаемой реальности как совокупности человеческих представлений.

Ньютон наряду с физическим и математическим пространством и временем выделяет также абсолютное пространство и абсолютное время как некую изначальную реальность — вместилище всех природных вещей. Понятие абсолютного пространства и абсолютного времени встречается и у Канта, но он не придает им сколько-нибудь существенного значения, хотя и у него пространство и время подобны вместилищу всей чувственно воспринимаемой реальности, или природы, которую трансцендентальный идеализм интерпретирует в основном субъективистски.

Новое понимание пространства и времени, высказанное в диссертации 1770 г., получает систематическое развитие в «Критике чистого разума». В ней разъясняется, что посредством «внешнего чувства» мы представляем себе предметы как находящиеся в пространстве, вне нас. Посредством «внутреннего чувства», т. е. интроспекции, мы представляем себе явления как находящиеся во временных отношениях. Внешний опыт становится возможным благодаря представлению о пространстве, внутренний опыт имеет своей априорной предпосылкой время. «Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний... пространство следует рассматривать как условие возможности явлений, а не как зависящее от них определение»² [5, с. 130]. Поскольку пространство воспринимается как бесконечно *данная* величина, то такое восприятие не может быть эмпирическим: это — априорное созерцание. Если же оно воспринимается как конечное, имеющее границы, то такое восприятие носит эмпирический характер. Эмпирическое пространство объективно, хотя оно есть чувственно данное. Это обстоятельство важно подчеркнуть, так как Кант нередко истолковывает объективное в гносеологическом смысле, говоря об а priori объективном и имея при этом в виду безусловную всеобщность представления, его общезначимость. В данном случае объективность понимается онтологически, как то, что существует безотносительно к сознанию. Однако Кант далеко не всегда отчетливо разграничивает эти аспекты объективности. Поэтому он, например,

² Далее Кант указывает: «Пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств... пространство охватывает все вещи, которые являются нам внешне, но мы не можем утверждать, что оно охватывает все вещи сами по себе независимо от того, созерцаются ли они или нет, а также независимо от того, каким субъектом они созерцаются» [5, с. 133—134].

пишет: «...наши истолкования показывают нам *реальность* (т.е. объективную общезначимость) пространства в отношении всего, что может встретиться нам вне нас как предмет...» [5, с. 134].

Время, подобно пространству, определяется Кантом как чистое априорное созерцание. При этом также имеется в виду бесконечность времени, которая не воспринимается эмпирическим сознанием. Подчеркивая, что время не существует само по себе, т.е. как нечто присущее независимым от сознания и воли вещам, Кант обосновывает *трансцендентальную идеальность* времени, которая неотделима от субъективных условий чувственного созерцания, так что если отвлечься от этих условий, то время превращается в ничто, т.е. несуществующее. В этом смысле Кант отвергает представление об абсолютном времени, которого придерживался Ньютон. Однако априористское понимание времени дополняется признанием безусловной объективности эмпирического времени: «...в отношении всех явлений, стало быть, и в отношении всех вещей, которые могут встретиться нам в опыте, оно необходимым образом объективно»³ [5, с. 139].

Читателя кантовской «Критики...», может, пожалуй, удивить, вызвать недоумение, почему же философ, пунктуально подчеркивающий объективность эмпирического, т.е. непосредственно, повседневно воспринимаемых пространства и времени, не посчитал нужным привести хотя бы один пример, подтверждающий это положение, противостоящее его основной идее о пространстве и времени как чистых априорных чувственных созерцаниях. Но я полагаю, что Кант не видел необходимости в такого рода иллюстрациях своей мысли, выражающей наличие у каждого нормального человека сознания того, что чувственно воспринимаемые предметы действительно расположены друг возле друга или в отдалении один от другого, что продолжительность его жизни (его детство, юность и т.д.) измеряются определенным количеством лет, что смена дня и ночи также свидетельствует о том, что эмпирически фиксируемое время протекает независимо от нашего желания, сознания. Указывая на объективность пространства и времени, Кант, по-видимому, считал, что он лишь соглашается с общепринятым убеждением, ввиду чего нет необходимости приводить какие-либо примеры (таковые имеются в избытке у каждого человека). Поэтому, с точки зрения Канта, несравненно важнее было доказывать, что время и пространство, поскольку они воспринимаются как беспредельные, бесконечные, должны быть поняты как не обычные чувственные, а априорные восприятия, которые не только независимы от опыта, но даже предшествуют ему, как доопытные предпосылки познания. Это положение, образующее отправной пункт всей «критической философии», Кант многократно (и, пожалуй, совершенно излишне) повторяет на страницах «Критики чистого разума» и в других своих произведениях.

³ Подытоживая свое понимание пространства и времени, Кант утверждает: «Пространство и время мы можем познавать только а priori, т.е. до всякого действительного восприятия, и потому они называются чистым созерцанием; ощущения же суть то в нашем сознании, благодаря чему оно называется апостериорным познанием, т.е. эмпирическим созерцанием» [5, с. 144]. Четко разграничивая априорное и эмпирическое в познании, Кант тем самым убедительно доказывает, что наряду с субъективным, априорным созерцанием пространства и времени, эти последние существуют как эмпирические реальности безотносительно к тому, воспринимаются ли они нашим сознанием или нет.

Если, как надеюсь, я объяснил, почему Кант скупо говорит об объективности пространства и времени, то едва ли этим можно объяснить то, что многочисленные исследователи его философии почти обходят молчанием это положение или в лучшем случае уделяют ему всего несколько строк. Так, например, в монографии Л. А. Абрамяна вопрос об объективности пространства и времени запросто обходится молчанием [1]. То же относится к монографии французского исследователя Р. Ванкура [11]. Не буду приводить другие примеры подобного отношения к философии Канта, следствием которого становится субъективно-идеалистическая трактовка не только кантовского понимания пространства и времени, но и всей теории познания Канта. Предпочтительно сослаться на правильное понимание объективности времени и пространства, поскольку они выступают как эмпирические формы чувственно воспринимаемого мира. «Разъяснение Канта, — пишет В. Ф. Асмус, — состоит в предложении отличать эмпирическую реальность времени от его трансцендентальной идеальности. Эмпирически время реально. Это значит, что оно сохраняет свою объективную значимость для всех предметов, которые когда-либо могут быть даны нашим чувствам» [2, с. 191]. То же, как показывает проф. Асмус, относится и к пространству.

Если в «Критике чистого разума» Кант ограничивался кратким указанием на безотносительное к чувственным восприятиям существование эмпирических пространства и времени, то в «Метафизических началах естествознания» в соответствии с предметом исследования он обосновывает это положение всесторонним образом. При этом он, конечно, ни в коей мере не отказывается от трансцендентального определения времени и пространства, подчеркивая, что разграничение эмпирического и трансцендентального позволяет, избегая недопустимого логического противоречия, сочетать воедино эти, казалось бы, исключочающие друг друга положения.

Касаясь пространства, которое он называет «материальным», Кант, прежде всего, указывает на его эмпирический и в силу этого объективный характер. Поэтому, указывает Кант, «пространство должно быть обозначено посредством того, что может быть предметом ощущения; такое пространство, как совокупность всех предметов опыта, называется эмпирическим пространством» [6, с. 70].

Касаясь относительности движения, которое также совершается в эмпирическом пространстве (и, следовательно, независимо от чувственных восприятий), Кант в связи с вопросом о криволинейном движении пишет: «...здесь уже нельзя сказать, что во всех отношениях безразлично, рассматриваю ли я тело как движущееся (например, Землю в ее суточном вращении), а окружающее пространство (звездное небо) как покоящееся или, наоборот, пространство как движущееся, а тело как покоящееся» [6, с. 80]. Совершенно очевидно, что и относительность движения, и обращение Земли вокруг своей оси, и, конечно, звездное небо Кант трактует отнюдь не как априорное созерцание, т.е. субъективное представление, а как факты, наличие которых никоим образом не зависит от наших восприятий.

Характеризуя время, Кант также привлекает внимание читателя к его независимой от чувственности объективности. Земля, указывает он, в течение двадцати четырех часов «поворачивается к Луне различными сторонами, отчего на Земле происходят всякого рода изменчивые действия» [6, с. 72]. И здесь, разумеется, речь идет об объективно совершающихся процессах. Двумя страницами ниже Кант указывает на то, что «Земля вращается быстрее вокруг

своей оси, чем Солнце, потому что совершает свой оборот в более короткое время... Кровообращение маленькой птички гораздо быстрее, чем кровообращение человека...» [6, с. 74]. Скорость, о которой здесь идет речь, и время, посредством которого измеряется скорость, а также процессы (обращение Земли вокруг Солнца, кровообращение) — все это, по Канту, эмпирические процессы, совершающиеся безотносительно к сознанию людей. При этом Кант отнюдь не умалчивает о своем трансцендентальном понимании пространства и времени. На этой же странице он отмечает, что «пространство вообще не принадлежит к числу свойств или отношений *вещей самих по себе*, которые по необходимости могли быть сведены к объективным понятиям, а принадлежит лишь к субъективной форме нашего чувственно созерцания вещей или отношений...» [6, с. 74]. И это, повторяю, нисколько не противоречит признанию объективности эмпирических пространства и времени, как не противоречат друг другу установленное Ньютоном разграничение между физическим и математическим пространством и временем.

В «Критике чистого разума», а также в «Пролегоменах» Кант обосновывает возможность «чистого естествознания», которое а priori выясняет наиболее общие законы, которым подчинена природа, понимаемая как совокупность опытных данных. При этом, однако, он оговаривается, что «и в этой дисциплине есть многое, что не вполне чисто и не совсем независимо от источников опыта; таковы понятия *движения, непроницаемости* (на которых основывается эмпирическое понятие материи), инерции и т.п.» [7, с. 112]. Кант, следовательно, признает, что движение, непроницаемость и некоторые другие характеристики материи, о которых пойдет речь ниже, представляют собой эмпирическую реальность, независимую от сознания, мышления, продуктивного воображения, которому он придает особенно большое значение в своем построении картины природы, именуемой им просто природой, так как вне этой картины, создаваемой рассудком, существуют лишь принципиально непознаваемые «вещи в себе».

В «Метафизически началах естествознания» Кант, характеризуя движение как *явление* (ибо в ином случае его пришлось бы признать трансцендентным и, следовательно, непознаваемым), в известной степени уточняет свое понимание движения, приводя его в соответствие с трансцендентальным идеализмом. «В самом деле, — пишет он, — для того, чтобы движение могло быть дано хотя бы как явление, требуется эмпирическое представление о пространстве...» [6, с. 168]. Но эмпирическое пространство не есть чистое априорное созерцание, созерцание бесконечного. Следовательно, и явление движения, возможное только в эмпирическом пространстве, независимо от субъекта познания, объективно в онтологическом смысле. Это вполне согласуется с теорией Ньютона, с которой постоянно солидаризируется Кант.

Вслед за Ньютоном Кант признает и существование атомов, т.е. таких частиц материи, реальность которых во времена Канта никоим образом не удостоверялась опытным путем. «Атом, — пишет философ, — малая частица материи, физически неделимая. Физически *неделима* та материя, части которой связаны с силой, которую не может преодолеть никакая существующая в природе движущая сила (в наше время сказали бы, атомная энергия. — Т. О.). Атом, поскольку он специфически отличается от других своей формой, называется *первичным тельцем*» [6, с. 137]. Это положение явно противоречит теории познания Канта и прежде всего его понятию реальности. Оно также не укладывается в кантовское понимание природы как продукта познаватель-

ной деятельности субъекта. Природа, трактуемая как совокупность систематизированных, согласно субъективным (априорным) законам чувственных данных, исключает реальность атомов. Но поскольку Кант все же признает их существование, отнюдь не отождествляя их с «вещами в себе», постольку он признает, что они существуют безотносительно к сознанию человека. И то же относится к той «движущей силе», которая, по провидческому убеждению философа, делает возможным существование атомов: она также объективна в онтологическом смысле.

Напомним, что материя трактуется Кантом как чувственная реальность, творимая познающим субъектом. По его словам, «материя не есть вещь в себе, а только явление наших внешних чувств вообще...» [6, с. 102]. Но это определение не может быть согласовано с признанием реальности атомов⁴.

Приведенные положения не исчерпывают кантовскую характеристику материи, указывающие на такие ее определенности, которые никоим образом не могут быть продуктом продуктивной силы воображения, не говоря уже о том, что эти определенности независимы от чувственной способности человека. Та, например, предвосхищая эволюционное воззрение на развитие материи, Кант доказывает «первичность жидкого состояния. Если бы жидкая материя испытывала хоть малейшую задержку при сдвигании, стало быть, хоть малейшее трение, то трение возрастало бы с увеличением давления...». В этой связи Кант на свой лад формулирует основной закон гидростатики: «Жидкость есть свойство матери, состоящее в том, что каждая часть ее стремится распространиться во все стороны с той же силой, с какой она испытывает давление в одном, данном направлении» [6, с. 131—132].

Вслед за Ньютоном Кант утверждает, что материи изначально присущи притяжение и отталкивание: «...сила отталкивания принадлежит к сущности материи так же, как сила притяжения» [6, с. 109]. Можно ли сказать, что жидкое состояние материи, трактуемое как исторически первичное, давление, трение, тяготение, отталкивание представляют собой, выражаясь языком «Критики чистого разума», не более, чем представление. Конечно, нет. Кант в данном случае характеризует *эмпирическую реальность* природы, которая не может быть сведена к субъективным представлениям или априорным определениям. Правда, от последних Кант отнюдь не отказывается, но сводит их к минимуму. Так, он пишет, что «упругость и тяжесть составляют единственные а priori усматриваемые отличительные признаки материи» [6, с. 118]. Все остальные признаки материи носят эмпирический характер и постигаются лишь путем опытного исследования.

Можно ли сказать, что Кант непоследователен в своей характеристике материи, поскольку последняя выступает в его учении то как творимая чувственностью реальность, то как реальность, независимая от чувственности, но отнюдь не являющаяся «вещью в себе»? Я полагаю, что Кант непоследо-

⁴ В написанной в последние свои годы работе «Об основанном на априорных принципах переходе от метафизических начал естествознания к физике» Кант отказывается от признания реальности атомов, поскольку оно противоречит его пониманию природы. Он пишет: «...нет никаких *атомов* (ведь каждая частица тела в свою очередь всегда делима до бесконечности), с другой стороны, пустое пространство не предмет возможного опыта, стало быть, понятие движущих сил как целого, состоящего из таких составных частей, есть неосновательное эмпирическое понятие» [8, с. 601]. Стоит подчеркнуть, что эта точка зрения полностью согласуется с основными положениями «Критики чистого разума».

лен лишь в том смысле, что он преодолевает одностороннюю последовательность (или последовательную односторонность), которая характерна для «Критики чистого разума». Но такого рода *амбивалентность* может быть охарактеризована как *противоречивая последовательность*, которая противопоставляет тезису антитезис, преодолевая тем самым односторонность гносеологических характеристик природы.

Кант, продолжая определять материю как независимую от чувственности реальность, указывает, что «невозможно абсолютно твердое тело» [6, с. 161], поскольку силе притяжения противостоит сила отталкивания. В другом месте тех же «Метафизических начал естествознания» Кант утверждает: «...материя может быть сжата до бесконечности, но в нее никогда не может проникнуть другая материя, как бы велика не была сила ее давления» [6, с. 95]. Несколько ниже это положение уточняется: «...никакая материя не поддается сжатию, если только она не содержит пустот» [6, с. 97].

Кант, так же как и Ньютон, признает *action in distance*: действие, взаимодействие и, прежде всего, тяготение без посредства промежуточной материи. Однако в отличие от Ньютона он считает излишним понятие *инерции*, инерциального движения: «...названная *сила инерции* (*vis inertiae*), несмотря на славное имя того, кто ввел его в употребление, должна быть совершенно изгнана из естествознания» [6, с. 159].

Подобно большинству естествоиспытателей своего времени Кант убежден в том, что «всякая материя как таковая безжизненна» [6, с. 152].

Я привожу все эти высказывания Канта в доказательство того, что в его философии наряду с субъективистским пониманием материи (а следовательно, и природы) как чувственного представления, наличествующего в опыте, имеется и *вполне реалистическое* понимание материи в духе естествознания, к которому философ относился с великим почтением. Эта амбивалентность является, на мой взгляд, не пороком, а достоинством трансцендентального идеализма, так как благодаря ей достигается понимание субъект-объектной природы категорий, которые как познавательные средства, изменяющиеся по мере развития познания, конечно, субъективны, но по своему содержанию, напротив, объективны, т. е. выражают то, что действительно присуще независимой от познания предметной реальности.

«Метафизические начала естествознания», конечно, существенно отличаются по своему содержанию, онтологическим и гносеологическим выводам от «Критики чистого разума» – главного произведения Канта. И тем не менее не следует преувеличивать это различие, так как оно не является разрывом, отношением несовместимости. Достаточно внимательно вчитаться в «Критику чистого разума», чтобы убедиться в правильности этого заключения. Так, например, в этом произведении мы читаем: «...свет, идущий от небесных тел к нашим глазам, устанавливает непосредственное общение между ними и нами и тем самым показывает одновременное существование их» [5, с. 277]. Совершенно ясно, что не только свет, но и небесные тела рассматриваются Кантом не как продуцируемые познающим субъектом представления, именуемые философом явлениями, а как реальность, существующую безотносительно к представлениям этого субъекта.

Необходимо подчеркнуть, что приведенное высказывание не единственное в «Критике чистого разума». Я имею, в частности, в виду раздел этой работы «Систематическое изложение всех синтетических основоположений чистого рассудка». Эти основоположения, соответственно четырем группам

кантовской таблицы категорий, делятся на аксиомы созерцания, антиципации восприятия, аналогии опыта и постулаты эмпирического мышления вообще.

Нет необходимости входить в обстоятельное рассмотрение априорных основоположений рассудка. Достаточно рассмотреть некоторые выводы, чтобы убедиться в том, что у Канта речь идет не об одних только представлениях, но и о независимых от представлений определенностях вещей, т. е. таких определенностей, которые никоим образом не диктуются рассудком. Так, из аксиом созерцания следует, что все делимо до бесконечности. Из антиципаций восприятия вытекает вывод: пустоты не существует, ибо всему реальному присуща определенная степень. Из этих же антиципаций восприятия следует понятие плотности, массы, удельного веса. Едва ли надо доказывать, что плотность, масса, удельный вес присущи не представлениям, которые Кант именует явлениями, а вещам, существующим независимо от представлений. Кант, правда, не формулирует этого вывода, но ничто не мешает нам в данном случае не вполне согласиться с философом. По словам Канта, масса, удельный вес и т. п. являются априорными определениями предметов опыта, которые не существуют вне его. Опыт же состоит из представлений, которые, как бы ни истолковывать их, не обладают ни массой, ни удельным весом, ни плотностью.

Кант считал первостепенной обязанностью философа *быть последовательным* во всех своих выводах, т. е. не страшиться самых парадоксальных, на первый взгляд, выводов, как бы они ни противоречили общепринятым воззрениям. «Величайшая обязанность философа, — писал он, — быть *последовательным*, но именно это встречается реже всего» [4, с. 338]. Кант действительно был последовательным мыслителем. Поэтому он и утверждал, что масса, удельный вес, плотность присущи явлениям природы, доказывая, что природные явления есть не что иное, как представления, конструируемые рассудком путем категориального синтеза чувственных данных.

Поэтому он не согласился бы с утверждением, что эти свойства материи существуют независимо от каких бы то ни было представлений, опыта, рассудка. Кант исходил из фактов, установленных естествознанием, которое доказало, что не существует веществ, лишенных удельного веса. Но философа это, в сущности, эмпирическое, индуктивное обобщающее заключение, исключающее любые исключения, не удовлетворяет. Поэтому он объявляет массу, удельный вес и т. п. априорными выводами из основоположений рассудка, т. е. выводами аподиктически всеобщими и, следовательно, не допускающими исключения.

То, что Кант признает объективную реальность (в онтологическом смысле слова) не только абсолютно непознаваемой, т. е. как «вещь в себе», можно, конечно, расценивать как непоследовательность. Но, с моей точки зрения, это свидетельство того, что Кант преодолевает одностороннюю последовательность (или последовательную односторонность) «критической философии», которая сплошь и рядом в своей интерпретации природы и познания сближается с субъективным идеализмом, который решительно отвергался Кантом, как и всякая догматическая философия.

Кант, объявляя всё чувственно воспринимаемое не существующим независимо от субъекта познания, нисколько, разумеется, не отрицает существования других людей, хотя они и являются чувственно воспринимаемыми «объектами», т. е. входят в состав той самой чувственно воспринимаемой реальности, которая характеризуется философом как совокупность представле-

ний. Кант, конечно, нисколько не сомневается в том, что чувственно воспринимаемые животные и растения действительно существуют сами по себе. Так, например, в трактате «О педагогике» он отмечает: «...дерево, одиноко стоящее в поле, растет криво и широко простирает свои ветви; наоборот, дерево, стоящее среди леса, из-за того, что ему мешают соседние деревья, растет прямо и тянется к воздуху и солнцу» [10, с. 407]. Это замечание натуралиста, не сомневающегося в независимом от сознания существовании чувственно воспринимаемых вещей. Но этот же натуралист, поскольку он является философом, творцом трансцендентального идеализма, утверждает: «Чувственно воспринимаемый мир не содержит в себе ничего кроме явлений, но явления суть только представления, которые в свою очередь чувственно обусловлены»⁵ [5, с. 498].

Кант неоднократно высказывал свое убеждение в существовании *множества миров*. Ему, конечно, не приходило в голову истолковывать это множество как субъективное представление. Звездное небо рассматривалось им не как явление в том субъективистском смысле, которое он придавал понятию явления. Звездное небо (и вместе с ним множество миров) трактовались им как реальность, сомнения в объективности которой он ни в малейшей степени не допускал. Поэтому в «Заключении» своей «Критики практического разума» Кант вдохновенно писал: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*. И то и другое мне нет надобности искать и только предполагать как нечто окутанное мраком... Первый взгляд на бесчисленное множество миров как бы уничтожает мое значение как *животной твари*, которая снова должна отдать планете (только точке во вселенной) ту материю, из которой она возникла... Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа, через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы...» [4, с. 499—500]. Мне думается, что под этим прекрасным, возвышенным изречением мог бы подписаться и материалист. Но Кант не был материалистом, он был противником материализма. Однако его «критическая философия» гениально сочетает в себе трансцендентальный идеализм и реализм, выдающееся значение которого в истории философии все еще остается недооцененным, особенно в нашей отечественной философской литературе.

Список литературы

1. *Абрамян Л. А.* Кант и проблема знания. Ереван, 1979.
2. *Асмус В. Ф.* Иммануил Кант. М., 1973.
3. *Кант И.* О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостижимого мира // *Кант И.* Соч. в 6 т. М., 1964. Т. 2. С. 381—426.
4. *Кант И.* Критика практического разума // Там же. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 311—501.
5. *Кант И.* Критика чистого разума // Там же. М., 1966. Т. 3. С. 68—756.

⁵В другом месте Кант характеризует это понимание явлений как основное определение своей философии: «Все предметы возможного для нас опыта не что иное, как явления, т. е. представления, которые в том виде, как они представляются нами, а именно как протяженные сущности или ряды изменений, не имеют существования сами по себе, вне нашей мысли. Это учение я называю трансцендентальным идеализмом» [5, с. 450].

6. *Кант И.* Метафизические начала естествознания. 1786. // Там же. Т. 6. С. 53—175.
7. *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Там же. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 67—209.
8. *Кант И.* Об основанном на априорных принципах переходе от метафизических начал естествознания к физике // Там же. М., 1966. Т. 6. С. 589—653.
9. *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980.
10. *Кант И.* О педагогике // *Кант И.* Сочинения в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 399—462.
11. *Vancourt R.* Kant, sa vie, son œuvre. Paris, 1967.

Об авторе

Ойзерман Теодор Ильич — д-р филос. наук, проф., действительный член РАН, Институт философии РАН.